

© 2011 г. Г.В. ФЕДЮНЕВА

О СТАТУСЕ МЕСТОГЛАГОЛИЯ В ЯЗЫКЕ

Целью статьи является выяснение реального статуса местоглаголия в дейктической системе языка. На материале языков разных типов рассматриваются явления, так или иначе связанные с глаголом (предикатом) отношениями замещения и указания: широкозначные глаголы, их комбинации с некоторыми указательными, вопросительными, неопределенными местоимениями, подставочные конструкции, заменяющие в речи ускользнувший из памяти или эллиптированный глагол и др. По мнению автора, эти языковые элементы не являются местоглаголиями, т.е. собственно местоимениями, формирование которых непосредственно связано с использованием дейктических частиц. Местоглаголиями следует считать глаголы, также имеющие первичные дейктические корни, вроде эвенкийских *ē-* «*чтоить», *эри-ң-тэ-* «*этовствовать», *тари-ң-та-* «*тотовствовать» или севернорусского *тоговотать*. Автор считает, что местоглаголия непосредственно связаны с референциальной функцией языка. Они являются скорее потенциальной, нежели последовательно вербализованной категорией. Формируясь в дискурсе, местоглаголия остаются фактом речи, лишь иногда поднимаясь до уровня языковой системы.

Проблема выявления средств и механизмов актуализации языка в спонтанной речи, вызывающая неизменный интерес исследователей (см., например, [Падучева 2002; FPP 2010; Подлесская 2006; Podlesskaya 2007 и др.]), объективно детерминирована имманентным свойством языковых единиц модифицироваться в процессе речепорождения. Этим объясняется тот факт, что, несмотря на имеющиеся исследования, работы по типологии и таксономии многочисленного разряда дейктических и дискурсивно ориентированных слов, в том числе глаголов, не утратили своей актуальности.

Задача данной работы – определить статус маргинальной группы местоглаголий среди других маркеров глагольного дейксиса, участвующих в анафорическом текстообразовании, а также референции, главным средством которой, как известно, являются местоимения и другие «местоименные элементы языка» [Падучева 2002: 10]. Дело в том, что под местоглаголием часто понимаются разные языковые явления, объединенные функцией заместительности глагольных позиций в высказывании. Об этом свидетельствует «терминологическая туманность», окутывающая данное явление: термины «местоглаголия», «дейктические глаголы», «местоименные глаголы», «глаголы с местоименной семантикой», «местопредикативы», «провербы» и т. д., встречающиеся в отдельных работах, не имеют дефиниций и используются от случая к случаю.

Чаще всего под местоглаголием понимают глаголы с очень общей семантикой процессуальности или экзистенциальности, способные выступать на месте того или иного полнозначного глагола или отдельных семантических групп, следовательно, иметь в некоторой степени функции указания и замещения. Обычно в качестве таковых приводятся глаголы со значениями «делать», «стать», «быть», «происходить» и т.д., например, датский глагол *gøre*, шведский *göra* «делать», китайский *lai* «приходить», русский глагол *стать* в устаревшей конструкции «не – инфинитив – *стать*», вроде: *нам не привыкать стать, не занимать стать*, английский глагол *to do*, используемый для замены смыслового глагола во избежание его повторения в последующем предложении или в кратких ответах на вопрос, вроде: *Who took the dictionary? – I did* «Кто взял словарь? – Я (сделал, т. е. взял)»; *Does he help you? – Yes, he does* «Он помогает вам? – Да

(делает, т. е. помогает)», болгарский глагол *есть* в утвердительных конструкциях вроде: *Купи ли сахар? – Не съм* «Купил ли ты сахар?» – букв. «не есть» и некоторые другие.

Ю.С. Маслов, отмечая, что в русском языке местоглаголие в общем не получило развития, все же считает, что к этому ряду можно добавить глагол *делать*, особенно в сочетании с местоимением *это* или другими подобными словами, поскольку он может выступать как заместитель знаменательного глагола, например, в конструкциях типа *не делай этого!* [Маслов 1975: 218].

Н.Ю. Шведова, посвятившая ряд крупных работ описанию смыслового строения русских местоимений [Шведова 1995; 1998], такого же мнения: «Принято утверждать, – пишет она, – что в русском языке нет действительных глаголов. Однако это неверно: у нас есть как собственно формообразующие глаголы, так и действительные глаголы; по своему смысловому назначению совпадающие с местоимениями». Под свободными действительными глаголами она понимает такие, «которые по своим функциям, синтаксическому поведению и парадигматике уверенно вписываются в систему местоименных слов: это глаголы, способные означать любой поступок, действие, событие, ситуацию либо их необратимый результат; таковы глаголы, застывшая глагольная форма и глагольные сочетания: *поступать/поступить, делать/сделать, делаться/сделаться, происходить/произойти, сделано, быть, иметь место* (быть, наличествовать)» [Шведова 1998: 42–43].

Действительно, глаголы с подобной семантикой (а их может быть гораздо больше приведенных) выступают некими аккумуляторами абстрактно-языковых смыслов, обращенных к различным группам полнозначных слов. Они, как и многие другие разряды абстрактной лексики, наполняются конкретно-лексическим содержанием в связанном тексте или высказывании, например: что *дел ать*: *писать, плясать, печь, развлекаться* и т.д.; что *происходит*: *просыпается, меняется, падает, не здоровится, не спится* и т.д. В этом смысле они похожи на местоимения, ср., как: *быстро, бегом, прямо* и т.д.; как *ой*: *большой, зеленый, старый, плачущий* и т.д.

Интересно отметить, что глагол *делать* в современном русском языке последовательно распадается на два лексико-грамматических варианта, а именно, на глагол *делать*, семантически близкий англ. *to make* «изготавливать», и глагол *делать*, сопоставимый с англ. *to do* с местоименным значением. В первом случае он является полноценным смысловым глаголом, требующим конкретный объект действия, например, *дел ать что: машину, работу, домашнее задание, опыты* и т.д. Во втором – глагол выступает в качестве «пустой формы», требующей уточнения, наполнения за счет семантики полнозначных слов: что *дел ать*: *спать, гулять, строгать, печатать, плавать* и т.д. Казалась бы, процесс прономинализации глагольной формы налицо, однако вряд ли это дает возможность говорить о местоглаголии. Несмотря на «почти местоименную» семантику, глагол *делать* не может выступать в качестве заместителя семантически полнозначных слов, ср., например, **они пошли делать* вместо *они пошли плавать*. Видимо, можно ожидать дальнейшее развитие процесса десемантизации глагола *дел ать* особенно в сочетании с собственно действительными элементами (скорее с указательными, нежели вопросительными местоимениями), поскольку в русских диалектах на уровне спонтанной речи такие примеры имеются, ср., например, колым. *пришел к има, а они то делают, ужнают да* [Богораз 1901: 14].

«Почти местоименную» семантику иногда демонстрируют глаголы конкретного действия, частота употребления которых в разных контекстах приводит к суперполисемантизму, по терминологии У. Вейнрейха, к смысловой «почти-пустоте» [Вейнрейх 1970: 211]. Ср., например, чувашский глагол *ту* «делать», используемый в словосочетаниях в самых разных значениях «заниматься», «решать», «договариваться», «успевать» и т.д. [ЧРС 1961: 435]. Первоначально этот глагол имел значение «родить, рожать» [ЭСЧЯ 1964: 254].

Наличие в языке глаголов с общепроцессуальным значением относится к числу языковых универсалий; «явление смыслового “выветривания” можно, безусловно, признать универсалией, хотя в разных языках оно проявляется в разном масштабе» [Вейнрейх

1970: 212]. В некоторых языках они настолько опустошаются, что могут использоваться как простой показатель процессуальности, сопровождающий смысловой глагол¹.

Однако насколько в действительности семантика широкозначных глаголов может быть соотнесена с собственно местоименным значением и, соответственно, насколько последовательно они могут выступать в м е с т о семантически полнозначных глаголов? По-видимому, настолько же, насколько «местоименны» слова *действие, происшествие, сущность, бытие, дело, много, мало* и т.д., реальное коммуникативное (на)значение которых реализуется также только в конкретной языковой ситуации.

Нетрудно сделать вывод, что само по себе «местоименное значение» глагола еще не повод говорить о наличии в языке местоглаголия как структурной составляющей дейктической системы. По мнению К. Бюлера, фундаментальным различием между полем указания, в котором функционируют дейктические знаки, и символическим полем назывных слов состоит в том, что первые всегда связаны с ситуацией общения, тогда как назывные слова в большей степени ситуационно независимы [Бюлер 2000: 75]. Следовательно, чем больше семантическая реализация слов зависит от ситуации говорения, тем ближе они к разряду дейктических слов. Однако это не значит, что они могут быть включены в число местоимений или даже прономинативов. Во всяком случае, для этого нужен достаточно длительный период «ассимиляции» в строгой иерархически структурированной системе «знаков знаков», каковой является местоимение и которая, как известно, сложилась на самых ранних этапах формирования большинства известных языков.

История и типология формирования класса местоимений свидетельствуют о постепенном формировании основных лексико-грамматических разрядов из собственного дейктического материала. Как правило, в роли первичных местоимений выступают архаичные дейктические корни, выполняющие функции указательных частиц, затем указательных, вопросительных и личных местоимений, из которых постепенно формируются адъективные, квантитативные, адвербиальные и другие группы прономинальных слов [Майтинская 1969: 39 и сл.]. Местоглаголия, чтобы стать элементом этой системы, должны также опираться на уже имеющиеся разряды «настоящих» местоимений и дейктических корней. Следовательно, собственно местоглаголиями (= местоимениями) можно считать только глаголы, образованные от местоименных основ и непосредственно с ними взаимодействующие.

Выявление и семантическая стратификация ряда языковых универсалий в рамках последовательной семиотической теории позволили У. Вейнрейху сделать важный вывод о том, что «языки, вообще говоря, менее “логичны”, симметричны, дифференцированы, чем они могли бы быть, если бы отдельные семантические компоненты и те или иные семиотические механизмы, имеющиеся в том или ином языке, использовались бы единообразно и последовательно по всей системе этого языка... Для любого языка можно привести примеры, доказывающие, что в этом языке есть средства, позволяющие добиться более симметричной организации и более тонкой смысловой дифференциации, чем это имеет место в среднем» [Вейнрейх 1970: 223].

Этот вывод непосредственно касается класса местоимений, представляющих собой иерархически структурированную, стабильную и вместе с тем неравновесную по своей природе систему знаков, которая занимает особое место в структуре любого языка независимо от его типологии. Местоимение не может быть названо собственно «частью речи», поскольку связано сложными смысловыми и грамматическими отношениями со

---

¹ Например, удмуртский глагол *карыны* «делать» в сочетании с именами выступает как простой суффикс-вербализатор: *вань карыны* «обзавестись, приобрести», букв. «есть (иметься) сделать»; *выль карыны* «обновить», букв., «новый сделать», а также адаптатор русских заимствований, например, *жарить карыны* «жарить», *служить карыны* «служить» и т.д. [УРС 1983: 188]; в тюркских конструкциях, вроде *jatyp jürü-* «находиться» (*jat-* «лежать», *jürü-* «ходить»), второй компонент в сочетании с десемантизированным деепричастным суффиксом уже превратился в необратимый суффиксоподобный сложный формант *-p jürü-* [СГТЯ 1988: 442–443].

всеми разрядами номинативной лексики: существительными, прилагательными, числительными, наречиями, а также служебными словами: союзами, частицами, междометиями, артиклевыми элементами и т. д. На этом фоне особенно отчетливо зияет лакуна местоглаголий, т. е. собственно местоимений – заместителей глаголов.

Отмечая асимметричность частеречной сегментации дейктических слов, Вейнрейх, в частности, пишет, что «местоимения есть, вероятно, во всех языках, однако лишь немногие имеют “местоглаголие”»; среди европейских языков только английский имеет в лице глагола *to do* (по крайней мере зародышевый) заменитель группы сказуемого. Глаголы, вроде **whatted he?* букв. *чтоил он «что он делал?»; *to this, букв. *этуть «делать это»; *to all, букв. *всёкать «делать всё»; *to something, букв. *что-любить «делать что-либо», как правило, отсутствуют, причем «эти нерегулярности т и п и ч н ы (выделено мной. – Г.Ф.) как отклонение от логической модели» [Вейнрейх 1970: 174, 181, 185, 186].

По нашему мнению, «типично нерегулярное присутствие» местоглаголия в дейктической системе объясняется его маргинальным положением единицы спонтанной речи, не вербализующейся облигаторно в системе языка.

Ярким примером собственно местоглаголий являются отместоименные глаголы тунгусо-маньчжурских языков, последовательно представленные в сибирской подгруппе. В эвенкийском, эвенском и негидальском языках глаголы-местоимения образуются непосредственным присоединением глагольных суффиксов к интеррогативным основам. Наиболее употребительным является глагол *ē-*, *α-* «что делать», букв., «чтоить», который изменяется по числам, лицам и временам, как любой глагол. Он образован от вопросительного корня *ē-*, *α-* «что», к которому присоединяются различные глагольные суффиксы: *ē-за-* «что делать», *ē-л-* «что начать делать», *ē-лди-* «что делать совместно», *ē-вкән-* «что заставить делать, что сделать» и т.д. Глагольные основы могут подвергаться вторичной деривации с участием модифицирующих суффиксов с разными значениями типа «как делать», «для чего делать», «в качестве чего держать», «с какой целью использовать» и т.д. Более того, от основы *ē-* могут быть образованы причастия и деепричастия, например, *ē-кcā нуңартын эхи миттулэ ирэмэрэ* «Почему (букв., что сделал) они не идут к нам в гости?».

Как пишет Н.Я. Булатова, глагол *ē-* часто употребляется в повествовательных предложениях, где обозначает действие, подобное совершившемуся или подчеркивает повторность, длительность этого действия, например, *чайтыран, ē-ран, тадук-н 'ун идэгэлви камуиллан* «чаю попил, еще подобное сделал, только потом вещи стал собирать»².

Кроме глагола *ē-*, букв. «чтоить», в эвенкийских говорах заместители глагола образуются от местоимения *нй* «кто» – *нй-тэ* «в качестве кого использовать»; *мэн-нй* «свой» – *мэн-нй-тэ* «использовать для себя» и указательных местоимений *эр* «этот» и *тар* «тот»: *эри-н -тэ* «использовать в качестве этого», букв. «этовствовать», *тари-н -та* «использовать в качестве того», букв. «готовствовать» [Булатова 2003: 223].

В говорах Подкаменной Тунгуски имеется слово *аңй* «что делать», которое оформляется всеми лично-числовыми, видовыми и залоговыми показателями. Оно может быть использовано на месте любого глагола в качестве хезитативного составляющего высказывания³, а также в тех случаях, когда собеседникам ясно, о чем идет речь или, наоборот, ничего не известно о предмете разговора, например: *нуңан аят агй аңй-дяра-нй* «он хорошо в тайге живет или охотится», букв. «делает». В удэгейском языке,

² По-видимому, эта функция характерна также для «семантически опустошенных» глаголов, ср., например, эмфатическое использование глагола *керны* «делать» в коми языке: *гижны-керны* «писать», букв. «писать-делать», *идрасьны-керны* букв. «убираться-заниматься», *тывьсыны-керны* «попариться и прочее», *сёйны-керны* букв. «поесть-сделать», *шойччыны-керны* букв. «отдохнуть-сделать» и т. д. [КРК 2000: 269].

³ В.И. Подлесская предлагает использовать для всего класса лексических маркеров хезитации термин «препаративная подстановка», ср. также термины «препаративная замена» и англ. «placeholder» [Подлесская 2006: 189].

по свидетельству Е. Шнейдера, местоимение *аңй* имеет также значение, «аналогичное по смыслу русскому “ну, как его”. Употребляется говорящим, когда он забыл название предмета, имя, или затрудняется подыскать нужное слово. *Аңй* принимает ту форму, в которой должно было бы стоять слово, временно заменяемое *аңй*. *Аңй* может изменяться и как имя, и как глагол» [Булатова 2003: 231; Шнейдер 1936: 16].

Местоглаголия представлены также в монгольских языках. Они образованы непосредственно от вопросительных и указательных основ, причем последние сохраняют оппозиции по дальности указания, характерные для местоимений, например, бурят-монг. *ii-/iige-* «делать эдак» (*iime* «эдакий»), *tii-/tiige-* «делать так» (*tiime* «такой»); халха-монг. *eŋge-* «делать так, как этот здесь», *tege-* «делать так, как тот там». Вопросительные глаголы-местоимения образуются от разных интеррогативных основ вроде бурят-монг. *jaa-* «что делать» (*jamar* «какой»), *xerge-* «как поступать» (*xer* «как»); халха-монг. *jā-* «что делать», *xaiṣi-* «куда идти» и др. Они имеют словоизменение обычных глаголов, причем формы деепричастий часто функционируют в качестве наречий, а отглагольные имена – демонстративов и интеррогативов, например, халха-монгольский волонгатав *eŋgeji / tegeji* «сделаем так / сделаем этак!» и «хорошо, ладно»; деепричастие прошедшего времени *jāgād* «что сделав» и «почему, отчего» и т.д. По свидетельству Н.Н. Поппе, в бурят-монгольском языке в роли местопредикатива может также использоваться слово *juuta ~ jum-jim-im* «что-нибудь, нечто», которое, сливаясь с относящимся к нему словом, употребляется на месте глагола *быть* в качестве связки, например, *untahim* «спал» [Рорре 1951: 93–94; Поппе 1938: 111].

Интересные примеры местоглаголий дают палеоазиатские языки. В частности, в нивхском языке В.З. Панфилов среди прочих разрядов местоименных слов выделяет как заместительные слова *йагод'* «быть таким», *йад'* «что делать», так и «неопределенное местоглаголие» *йауд'* [Панфилов 1962: 226–227]. В чукотском языке имеется глагол *nikaærkьn* «делать указанное действие», который, как отмечает В.Т. Богораз, имеет аналог «на местном русском наречии *то делать*, например, *я то делал*, т.е. спал, или ел, или ехал». Он образован от основы *nika/neka* заместительных местоимений *nirk/nerk* «такой-то (человек)», *nir/nek* «такая-то (вещь)», которые используются в речевой ситуации, когда предмет речи известен собеседникам и номинация его необязательна. Имеется также глагол *regerkьn* «что делать», образованный от местоимения *rəq/raq* «что, нечто, что-нибудь» [Богораз 1934: 28–29]. По-видимому, местоглаголия могут быть образованы не только от указательных и вопросительных, но и индефинитных местоименных основ.

Из изложенного может сложиться впечатление, что местоглаголие как «настоящее местоимение», т.е. глагол, образованный от местоименной основы, характерно для языков с агглютинативным (инкорпоративным) типом деривации. Это не совсем верно. Для агглютинирующих языков, видимо, можно предположить более развитое отместоименное слово- и формообразование, однако, как мы отмечали выше, лакуна местоглаголия в языках, имеющих класс местоимений, существует облигаторно, соответственно, должны существовать способы ее заполнения. Другой вопрос, насколько последовательно эти потенциальные возможности реализуются в системе конкретного языка и какие средства для этого привлекаются.

Интересно в этом плане привести материал русских диалектов, где в функции местопредикатива часто выступает указательное местоимение *тот*, точнее форма родительного падежа единственного числа *того*: *мы его сейчас того..* (= что-то сделаем: уберем, распакуем, побьем и т.д.); *ты что, совсем не того?..* (= не понимаешь, не соображаешь, с ума сошел и т.д.); *ты уже растого печку?* (= растопил, разбросал в ней угли, закрыл, разобрал и т.д.). Благодаря ярко выраженной семантике неопределенности, незнания, в том числе, незнания, как и что сказать в данной ситуации, местоимение *того / не того* употребляется в тех случаях, когда говорящий затрудняется в выборе нужного слова, заменяет его более «ходовым», используемым «на все случаи жизни». Такое словоупотребление можно наблюдать на всем пространстве русского просторе-

чия, например, *растого, растово*, недоговоренное: разделить, разнять, раздумать. *Я было и тово, ну так вить жена не тово, ну уж и я растово* [Даль 1982: 78].

Указательное местоимение *тот* в дискурсивной функции активно функционирует и в северо-восточных русских диалектах, особенно в говорах Усть-Цилемского района Республики Коми, где достаточно компактно и изолированно проживает русское старожильческое население, сохраняя как культурные, так и языковые особенности. Производные этого местоимения имеют очень общее значение, реализуясь в конкретной речевой ситуации скорее «для связи слов», нежели передачи конкретной информации.

Среди протих дериватов, от основы *того*, а также *тогов* «принадлежащий тому» с участием глагольных аффиксов образованы местоглаголия с собственно местоименной семантикой, реализующейся в конкретной речевой ситуации, в условиях референции, когда участникам коммуникативного события хорошо известен предмет разговора.

Наиболее последовательно представлен местоименный глагол *тоговотать* «делать что-либо», который может быть соотнесен с любым действием, актуальным для данной ситуации, например: *вы там в мячь-то играете, траву-то не тоговотайте* (= не мните, не топчите); *потогвотай мне спину, я уш сама тоговотать не могу* (= тереть мочалкой); *я хотела тоговотать пряжу, да внук пришол* (= красить); *малых-то присоли карасей, а больших не тоговотай* (= не соли); *не тоговотай уш это, не говори* [СРГНП 2005, 2: 351]⁴.

От основного относительно нейтрального глагола *тоговотать* с помощью различных префиксов образуются многочисленные формы с коннотативными значениями, вроде: *пьяна напилася да фся растогвоталася, шыны-ти (волосы) фси растрепались; стогвотают шэрсь, выскоблют, выдelvesают кожу; двоё-то убежали, а третьего поимали, не мог стогвотацие, убежать* [СРГНП 2005, 2: 213, 307]; *так не могут жить, щэбы не перетогвотать* (т.е. не перессориться); *каку-ле копейку получают, протаговатают* [Дронова 2008: 82, 133]; *сосватать надо дефку, обтоговотайте дело; лишно сказать нельзя, так перетогвотают и не подумаш; мужык крепкой, поболее да перетогвотавацие, перемогаецие* [устное сообщение Т.И. Дроновой] и др.

Кроме местоглаголия *тоговотать* в русских говорах Припечорья зафиксированы многочисленные глаголы с основой *того*, которые также выполняют референциальную функцию. Приведенные ниже деривационные модели обладают высокой потенциальной продуктивностью, однако вербализация осуществляется, по-видимому, по дефектным парадигмам, во всяком случае, ни в опубликованных источниках, ни из устного опроса носителей диалекта нам не удалось обнаружить основных (беспрефиксных) форм, а только суффиксально-префиксальные, например: *(*тоготовать*): *шпану поставили караулить хлеб, а они украли, оттоговотали, в лагерь попали; уш, паря, как вы там фсе растогвотались, фсё выписываете посылторгом*; *(*тогоделать*): *перетогдделала фсё ф сундуке, фсё переверотила; надо рукавицу сперва растогдделать, а потом надвязать*; *(*тогодеть*): *перетогддели, перемерзли ноги, стали болеть; ницё не подошло к языку моёму, надо бы сказать: отделить, а я – оттогодеть надо рыбы*; *(*тогодить*): *пеструху растогдила, вот суп варице* (т.е. зарезала); *(*тоготать*): *виска (речка) была рыба, топерь дома фсё натоготали, наделали* [СРГНП 2005, 2: 213, 463, 500, 547] и мн. др.⁵

Таким образом, вербализация местоглаголий непосредственно связана с языковой референцией, когда коммуникативные задачи преобладают над собственно номинативными. В дискурсе происходит экспрессивная актуализация конкретного речевого акта, многие языковые единицы приобретают специфические значения и функции, соответственно, проявляется экспрессивное формо- и словообразование.

⁴ Здесь и далее примеры даются в написании источников.

⁵ Подробнее см. мою статью «Местоглаголие в северо-восточных русских говорах» (в печати).

В условиях спонтанного речепорождения появляются элементы, которые могут впоследствии структурироваться в систему языка, но могут и остаться на уровне «говoreния» как факты данного речевого случая с участием данного языкового коллектива. По-видимому, местоглаголия не включаются в традиционные описания языкового дейксиса именно потому, что они являются скорее потенциальной, нежели последовательно вербализованной категорией; выполняя собственно дискурсивную функцию, они часто остаются фактом речи, лишь иногда поднимаясь до уровня языковой системы.

С другой стороны, рассмотренные местоглаголия вполне вписываются в систему местоименных слов не только по семантике и грамматическому поведению, но и по онтологическим признакам. Возможно, прав В.З. Панфилов, который пишет, что местоимения выполняют в истории языка две функции. На ранних ступенях человеческого познания они служат для выделения предметов, качеств, количеств, т.е. используются до употребления лексически полнозначного слова, а не вместо него. Позже, с появлением конкретных понятий местоимения уже могут выступать в заместительной функции, поскольку контекст позволяет установить, с каким именно понятием то или иное местоимение соотносится [Панфилов 1962: 226–227]. Это как нельзя лучше относится к местоглаголиям, которые как факт речи связаны с сиюминутным актом говорения и полностью зависят от целевых установок субъектов речи. С этой точки зрения местоглаголия не являются таким уж «типологически редким классом слов», как это принято считать [ЛЭС 1990: 295], тем более что, по-видимому, они имеются во многих языках и особенно в их диалектах и говорах⁶.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богораз 1901 – В.Г. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т.86. СПб. 1901.
- Богораз 1934 – В.Г. Богораз. Луораветланский (чукотский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. III. М.; Л., 1934.
- Булатова 2003 – Н.Я. Булатова. Местоимения в сибирской группе тунгусо-маньчжурских языков // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ин-та лингвистических исследований. Т. 1. Ч. III. СПб., 2003.
- Бюлер 2000 – К. Бюлер. Теория языка. М, 2000.
- Вейнрейх 1970 – У. Вейнрейх. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. Вып. V (Языковые универсалии). М., 1970.
- Даль 1982 – В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1982.
- Дронова 2008 – Т.И. Дронова. Фольклор Усть-Цильмы: пословицы, поговорки, присловья. Сыктывкар, 2008.
- КРК 2000 – Коми-роч кывчукор [Коми-русский словарь] / Отв. ред. Л.М. Безносикова. Сыктывкар, 2000.
- ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Майтинская 1969 – К.Е. Майтинская. Местоимения в языках разных систем. М., 1969.
- Маслов 1975 – Ю.С. Маслов. Введение в языкознание. М, 1975.
- Падучева 2002 – Е.В. Падучева. Высказывание и его соотносительность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М., 2002.
- Панфилов 1962 – В.З. Панфилов. Грамматика нивхского языка. Т. 1. М.; Л. 1962.
- Подлеская 2006 – В.И. Подлеская. О грамматикализации и «прагматизации» маркеров речевого затруднения: феномен препаративной подстановки // Третья конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб., 2006.
- Поппе 1938 – Н.Н. Поппе. Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л., 1938.

⁶ Например, в сербохорватских диалектах имеется глагол *онодити* букв. «этить» [Вейнрейх 1970: 231], связанный, по-видимому, с местоимением *онакав* «тот»; в юрлинском говоре северорусского наречия (Пермский край) зафиксирован глагол *товнать* «делать, заниматься с чем-либо»: *Варя, вставай, пойдем кулигу товнать. Надо убрать уж ее* [СРГКПО 2006: 238].

- СГТЯ 1988 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология, М., 1988.
- СРГКПО 2006 – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / Сост. Н.Ю. Копытов, И.А. Подюков, А.В. Черных. Пермь, 2006.
- СРГНП 2005 – Словарь русских говоров низовой Печоры / Под ред. Л.А. Ивашко. СПб. Т 1. 2003; Т. 2. 2005.
- УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь / Отв. ред. В.М. Вахрушев. М., 1983.
- ЧРС 1961 – Чувашско-русский словарь / Отв. ред. М.Я. Сироткин. М., 1961.
- Шведова 1995 – *Н.Д. Шведова, А.С. Белоусова*. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. М., 1995.
- Шведова 1998 – *Н.Д. Шведова*. Местоимение и смысл. М., 1998.
- Шнейдер 1936 – *Е.Р. Шнейдер*. Краткий удэйско-русский словарь. М.; Л., 1936.
- ЭСЧЯ 1964 – *В.Г. Егоров*. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
- FPP 2010 – Fillers, pauses and placeholders // N. Amiridze, B.H. Davis, M. MacLagan (eds.). *Typological studies in language*. 2010. 93.
- Podlesskaya 2007 – *V. Podlesskaya*. Parameters for typological variation of placeholders // 10 International pragmatics conference. New York, 2007.
- Poppe 1951 – *N. Poppe*. *Khalkha-Mongolische Grammatik mit Sprachproben und Glossar*. Wiesbaden, 1951.